

Дети анархии

Русский язык и литература

Терешонкова Н.Р.

7 класс, ОАНО "Школа Наследие", г. Москва

Научный руководитель: Глушкова П.Н., учитель русского языка и литературы, ОАНО "Школа Наследие", г. Москва

Нет ничего приятнее в жизни, чем вечера, когда собирается вся семья и приезжают бабушка с дедушкой. Бывало, все уже выйдут из-за стола. Папа пойдёт смотреть телевизор, а мама – болтать в соседнюю комнату с бабушкой. За столом останешься лишь ты и дед, которого уже клонит в сон. Ты аккуратно встаешь со стула и задуваешь догорающую свечу. Ты присаживаешься обратно на стул и начинаешь смотреть на старичка. Он, подперев лоб ладонью, полузакрытыми глазами глядит в свою пустую тарелку. Ты окликнешь его:

– Дедушка!

Родственник немного повертит головой из стороны в сторону и обратит на тебя внимание.

– Чего тебе, Андрюша?

Его голос будет звучать сонно и расслабленно. Но ты все равно скажешь:

– А расскажи мне что-нибудь...

Ты немного задумаешься и добавишь:

– Про детство твоё.

Дедушка лишь посмотрит на тебя также устало и ответит:

– Ну ладно, слухай.

И вот какую историю мне однажды поведал мой дед...

Было это в страшные времена. Те, когда была блокада Ленинграда. Мне было одиннадцати лет отроду, когда одним тёплым осенним днём я впервые услышал слово «война». Уроки в тот день уже почти подходили к концу, оставался только предмет «математика». В наш класс пришла воспитательница, вся в слезах. Она сказала, часто похмыкивая носом:

– Война началась...

Она повторяла это много раз, заикаясь. «Война» и «началась» – эти слова просто не могли быть приняты вместе. Нас всех отправили по домам, а мы в свою очередь, лишь радовались тому, что нас отпустили пораньше.

Я шёл домой, а по улицам ходило много милиционеров. Я оглядывался на них и не понимал, почему их так много. Я дошёл до своей парадной и начал подниматься по лестнице к себе в квартиру. Я вставил ключ в дверной замок и открыл дверь. Я зашёл в квартиру и услышал всхлипы. Я не на шутку испугался, спеша снял галоши и поспешил на звук. На кухне я увидел следующую картину: мама сидела за столом и плакала, справа от неё сидела моя бабушка и вытирала моей матери слёзы кружевным платком. Я робко спросил:

– Мама, что с тобой?

Мать посмотрела на меня и начала ещё больше плакать. Моя бабуля глубоко вдохнула и сказала:

– Толя, твой батя ушел на фронт.

Я застыл в недоумении. Я не знал, что в общем это значило, но для меня подобное звучало так, как будто это было что-то плохое.

– Что это значит?

Мама подняла свой взгляд на меня и тихо, чуть ли не шепотом произнесла:

– Ты его больше не увидишь.

Я заплакал, как маленькая девчонка. Я начал потирать кулачками свои глазки убежал в комнату. Я ворвался к себе в покои и упал на кровать, уткнувшись носом в подушку. Я ревел, даже сам полностью не зная, из-за чего. Я понял лишь, что больше не увижу своего батю, да и то не мог это осознать. Все слова, что я услышал сегодня, казались для меня пустыми и лживыми. Я ничего не мог осознать.

Ночью я почувствовал, что кто-то потрепал меня за плечо. Это была нежная рука, такая прекрасная и знакомая мне по ощущениям. Я открыл глаза и увидел бабушку.

– Собирайся. Мы уедем.

Я ничего не ответил и встал с кровати. Я взял свой школьный рюкзак и собрал все вещи, что у меня были. Уместился даже плюшевый мишка. Я подошёл к двери, выводящую в подъезд. Там меня уже ждали мама и бабуля. Мама протянула мне руку и отдала ключи от квартиры.

– Зачем?

– Возьми. Убери их к себе в портфель.

– Мама, куда мы поедем?

– В Москву. В Ленинграде уже опасно.

Пока мы шли до станции я жутко волновался, что что-то пойдёт не так. Наш поезд подъехал. Мать достала два номерка.

– Держи, Толенька, я не поеду.

Мама протянула мне билет, и я расплакался.

– Нет, мамочка! Это я не поеду!

Машинистка поторапливала нас.

– Побыстрее, граждане!

Я не принял билета, отдал его маме и толкнул ее к поезду. Бабушка сказала дрожащим голосом, вытирая слёзы:

– Обещай, что не умрёшь, Толенька!

– Я не умру, бабушка! Я люблю вас! Мы ещё, наверное, точно встретимся!

Я улыбнулся, но почему-то ещё продолжал плакать. Я заметил, что по щекам мамочки и бабули тоже покатались слёзы. Я обнял их на прощание и отступил назад. Они зашли в поезд, махая мне рукой. Я тоже начал водить рукой из стороны в сторону. Бабушка с мамой провозгласили:

– Мы любим тебя, Толенька!

Поезд тронулся. Он начал стремительно отдаляться от меня, постепенно ускоряясь, я начал бежать рядом с ним, и был совсем рядом с мамой и бабушкой.

– И я вас!

Мы продолжили махать друг другу руками, и на моих щеках продолжали выступать слезы. Я остановился и транспорт уже уехал совсем далеко. Теперь моя жизнь зависела лишь от меня.

Я прибежал к моей многоэтажной старой постройке. Около нашего дома я увидел нескольких строителей, которые собирались снести здание. Я, словно отчаянная пуля полетел вверх по ступенькам милой и знакомой мне лестнице. Я в последний раз увидел номер своей квартиры и медленно открыл замок ключом, осознавая, что делаю это в последний раз. Дверь поддалась, и я снова узрел нашу прихожую. В полуоткрытом шкафу висело папино любимое пальто. Без раздумий, я накинул его на себя. Я захватил последнюю булку белого и побежал на улицу.

Солнечный Ленинград теперь казался мне полуразрушенным городом. Тем не менее, как бы сильно он не изменился, я бы все равно узнал место, где вырос. Я пошёл к старой заброшенной школе, которую я однажды узрел, когда гулял с батей по лесу. Я знал, это были отчаянные меры, в мою дурную голову не приходило других идей. В лесной чаще в темноте я пугался от каждого шороха ветки под моей ногой. Когда мои глаза привыкли к тусклому свету луны я застал школу и зашёл внутрь. Тут же, я почувствовал что-то мягкое под моей стопой. Это был земляной пол. Я поднял голову вверх и увидел провисший потолок. На стене с глубокими трещинами висела рваная школьная газета. У газетки были свёрнуты два края, она еле держалась и готова была в любой момент отвалиться от поверхности. В уголке плаката была написана дата— 1905 год. Я подошел к стене и прижал бумагу руками. Я смог разглядеть на ней номер школы. 535... я вспомнил, что когда-то батя мне говорил, что в этом учебном заведении училась моя бабушка. Я прошёл дальше. Справа я увидел вывеску "Столовая" и открыл деревянную дверь, которая уже была вся в царапинах. Я прошёл в трапезную и застал длинный грязный стол вокруг которого стояли низкие стулья. Я подошёл к этому столу и провёл рукой по нему. Я посмотрел на свою ладонь. Она была такой же, как у негритенка. Потом, я опять перевёл взгляд на стол, где я вытер руку, и там показалась грубая поверхность из дерева. Я вытер ладонь о штанину и пошёл дальше. Я вышел из столовой и узрел слева старое пианино. Мягкий стул около инструмента напоминал разорванную плюшевую игрушку. В некоторых частях фортепиано были отколоты углы. Клавиши пианино то

располагались на клавиатуре чуть выше, то чуть ниже. Был виден весь «внутренний мир» пианино. Некоторые части его вроде бы назывались фергера, молотки и последнее, что я помню – модератор. На всей пианоле были царапины и дерево почти выщело. Я приблизился к инструменту и нажал на ноту «ми» в основной октаве. Пианино звучало явно расстроено. Я отошёл от него и аккуратно начал подниматься по лестнице на второй этаж. От каждого моего шага ступеньки начинали буквально крошиться. И ещё когда я шёл, лестница издавала странные шорохи. Как я поднялся на второй этаж, мои глаза уже успели полностью привыкнуть к темноте. Я застал обычный школьный коридор, но как будто после разгрома. Окно было выбито, и под ним лежали осколки стекла. Счастью, на улице было тепло. Я прошел дальше по коридору. Я увидел небольшой диван около кабинета. Я провел по нему рукой, сбрасывая пыль. Он был весь поцарапан и из него торчал синтепон, которым он был набит. Я открыл дверь кабинета. Первым, что я увидел была паутинка прямо в дверном проеме. На ней сидел маленький паук. Я до жути боялся этого насекомого и с бабьим визгом закрыл дверь. Я увидел ещё одну комнату. Я зашёл в неё и понял, что это было отделение для детского сада, где некогда проводился тихий час. Там стояло около пятнадцати кроватей, и каждая из них была укрыта порванным, но мягким одеялом. Я очень сильно обрадовался. Поставив на деревянный пол портфель, я достал рюкзака плюшевого мишку. Я взял его в руки и лёг вместе с ним в кровать. Я вспомнил о маме, которая купила мне его, когда мне было восемь лет отроду. Я прижал игрушку к себе и расплакался, осознав, что счастливое детство кончилось.

Лучи света пробудили меня совсем рано. Я проснулся, даже не зная, который был час. Я неохотно встал с кровати, потирая глаза кулачками и начал искать в своих вещах часы, которые недавно висели в нашей квартире на стене. Было около пяти часов утра. При ярке и приятном свете солнца я смог разглядеть все. Я оглядел комнату и мое внимание приковал кукольный домик в уголке. Я подошёл к нему и осмотрел. Он был полностью покрыт пылью, что я даже чихнул. Рядом с домиком находилась деревянная лошадка. Я дотронулся

ладонью до макушки её головы, и игрушка начала раскачиваться взад-вперёд. Я вспомнил, что к восьми часам я должен быть уже в гимназии. Я вытащил из портфеля всё, кроме учебников и положил вещи в шкафчик, который находился рядом с кроватью.

Я вышел из этого здания и пошёл прямой дорогой к себе в училище. В гимназии было совсем немного ребят. Из нашего класса, состоящего из сорока человек, сегодня присутствовала около пятнадцати. Я зашёл в класс до начала уроков и начал взглядом искать моего друга Мишку. Я не нашел его и опечалился. Лично, Миша всегда приходил в гимназию, ни дня не пропускал. Я подошел к окну и пристально разглядывал улицу. Прозвенел звонок. Учительница тяжело вздохнула и начала урок. На этом же дыхании она его закончила. Я не выдержал и на перемене ушёл из класса. Преподавательница окликнула меня:

– Толя, ты куда собрался?

Я лишь промолчал и постарался побыстрее покинуть училище. Учитель последовал за мной, но я лишь ускорил шаг. В итоге, когда я переступил порог гимназии, преподаватель остановился, вновь окликнув меня. Я только ещё больше отдалился от училища. Я пошёл к квартире Мишки. Я зашёл в их парадную и услышал детские всхлипы. Я постучал в дверь и подождал, когда мне откроют. Вскоре, мне и вправду отворили дверь.

Это был Мишка, весь в слезах, с покрасневшим лицом и испуганными глазами. Он всхлипывал и вытирал слёзы рукавом белой школьной рубашки. Друг не вымолвил ни слова, и не закрывая двери, развернулся ко мне спиной и ушёл в квартиру. Я последовал за ним. Миша начал смотреть на свою бабушку. Я взглянул на его бабу. В одной руке она держала клубок ниток, а в другой варежку, в которую была вставлена иголка. Её голова была повёрнута в сторону потолка. Она сидела перед деревянным столом, на котором лежала газета. Я глянул на товарища и до сих пор не понимал, почему он плачет. Потом я подошел к его бабушке ближе и глянул ей в глаза. Я ужаснулся, не увидев то, что ее глаза подняты кверху.

– Антонина Ивановна!

Мишка одернул меня за плечо.

– Она умерла.

Он сказал это и немного успокоился.

– Походу, мне больше нигде жить, Толя...

Мой друг опять заплакал.

– Толя, я умру!

Я ударил товарища по макушке его головы со всей силой.

– Ты как трус Мишка! Ты вовсе не ведёшь себя как пионер! Разревелся как девчонка и только делаешь, что себя жалеешь!

Мишу это вовсе не успокоило. Наоборот, он начал плакать ещё сильнее.

– Мишка, собирай вещи, будешь у меня жить.

Его выражение лица сменилось на удивление. Пионер вздохнул и посмотрел на меня.

– А с чего ты это взял?

Я всмотрелся ему в глаза строгим взглядом.

– Потому что я – твой лучший товарищ.

Он пошёл собирать вещи. Захватил всё, что было, даже вещи бабушки. Поэтому, половину вещей я нес сам.

– Дурачина, ты аптечку забыл!

Я покопался у него на кухне и достал аптечку с верхней полки стеклянного шкафа. Слава Богу, он догадался еду хоть взять. Миша подошел к своей бабушке и поцеловал её в лоб. Он забрал у неё клубок ниток с иглой и варежку.

– Бабушка умерла после того как прочитала газету.

Краем глаза я увидел на листке слово «война». Я нахмурился. Я взял Мишку за руку и потащил к выходу.

– Толя, ты куда меня тащишь?

– Узнаешь.

Чем дальше мы шли по лесу, тем испуганнее становилось лицо моего друга. Мы дошли до заброшенной школы, и я глянул на Мишку. Он

вопросительно устремил взор на меня. Товарищ подозрительно посмотрел на здание.

– Раз тебе больше жить, то побудем здесь.

– Здесь?!

– Да, и не будь привередой!

Он выдохнул, устремив глаза в землю и спросил:

– А с твоей квартирой то что случилось?

– Мама с бабушкой уехали в Москву. Здание с квартирой снесли. Больше нечего говорить, пошли.

Мы зашли в постройку. Мишка опять готов был разреветься, но сдержал свои слёзы. Его глаза стали по пять копеек, и он прикрыл рот рукой. Я показал ему всё помещение. Я дошел с ним в комнату, где я спал ночью. Мой друг приложил руку к животу и сказал:

– Я есть хочу.

Я закатил глаза вверх и открыл шкаф. Я достал оттуда булку хлеба, которую, к счастью, не съели мыши, и отломил ему небольшой кусочек. Я протянул кусок Мише, и тот разочарованны глянул на хлеб. Товарищ прикусил его сморщился.

– Он как камень!

Я рассердился на него и строго ответил:

– Если хочешь есть и как-то жить, то жуй! Другого у меня нет!

Он покопался в своих вещах и достал сгущёнку. Миша открыл банку и начал жадно пить из неё.

– Мишка! У нас еды не много, а ты тут пир себе устроил!

Товарищ убрал банку от рта и глянул в упаковку. Там оставалось чуть больше половины сгущенки. Мишка промолчал и виновато посмотрел на грязный пол. Он присел на мою кровать и преступил разглядывать комнату.

– А в принципе, в комнате этой вполне можно жить.

Я лишь слегка улыбнулся. Друг раскинулся морской звездой у меня на постели, и убрал руки за голову, начал смотреть в потолок. Я окончательно

успокоился, и был рад за то, что он уже обосновался. Потом, товарищ подошёл к окну. Он разглядывал лесной пейзаж за окном. Потом, друг подошёл к своей сумке и сложил вещи в мой шкаф. К тому времени, я и сам проголодался. Я взял кусок хлеба, который ранее отдал Мишке и прикусил. Хлеб был и вправду очень черствый. Я утолил жуткий голод этим куском. Товарищ подошёл к окну и позже поманил меня рукой, не отворачиваясь от стекла. Я приблизился к окну, и Миша указал пальцем на красный куст среди высокой травы. Куст ярко

выделялся среди высокой травы.

– Толька, пойдём ягоды соберём!

Я согласился с ним, и мы пошли вместе на улицу. Вокруг была только некошенная зелень и длинные ветвистые деревья. Мишка в непонимании осматривал все подле себя, пытаясь выяснить, где кустик. Я прихлопнул его по плечу и показал пальцем вдаль. Там, на солнце блестели как драгоценности маленькие зрелые ягодки.

Мы побежали наперегонки к ягодам. Мой друг прибежал быстрее и начал быстро собирать красные бусинки. Вскоре, я был перед кустом и уже рассматривал ягодки. Это была смородина. Я улыбнулся и собрался аккуратно снимать их с кустика. Я полностью набил карманы брюк смородиной и поднялся с колен. Мои штаны были испачканы о землю. Я отряхнул их и посмотрел на Мишку. Он заполнил свои щёки ягодами, и его белая рубашка была уже благополучно испачкана. Я строго окликнул его:

– Мишка!

Миша глянул на меня с невинным выражением лица. Он прожевал все ягоды и городок сглотнул их. Я отвернулся от него. Мишку не исправишь. Ну и ладно. Друг пошёл к заброшенной школе, то есть уже к нашему убежищу. Я осмотрел здание издалека. В лучах солнца оно казалось не таким мрачным. Или, я уже привык к нему. Я поднял голову и посмотрел в светлое небо. Стволы деревьев были настолько высоки, что казалось, будто они стремятся к солнцу. Почему-то сейчас, даже просто светлое небо наполняло меня счастьем. Я был просто рад тому, что солнце светит и поют птицы. Раньше, я не замечал этой

красоты, а на данный момент это переполняло меня надеждой. Но только надеждой на что? Я не знаю до сих пор.

Я заметил, что товарищ уже убежал в наше укрытие и я последовал за ним. Я нашёл его в нашей комнате, и он подошёл ко мне, как только я со скрипом открыл дверь. Друг глянул на меня и завалился на кровать. Было светло, а его глаза уже выглядели усталыми. Я лёг рядом с ним, на соседнюю постель, не желая думать ни о чем-то.

Я разбудил товарища, пихая ему в лицо громко звенящий будильник. Он встал с кровати. Часы показывали восемь часов утра. Мишка сонно спросил:

– Ты чего меня разбудил?

Я рывкнул на него:

– А в гимназию нам не пора?!

Друг повертел головой вправо-влево.

– Зачем?

– Как зачем?!

Я рассердился на него.

– Думаешь, это отменяет учебу?!

– Ещё как! Нам же столько всего пережить пришлось!

Я набрал побольше воздуха и начал смотреть в окно.

– Мишка, ты ничего не знаешь. То, что мы пережили-всего лишь цветочки того, чего мы переживем в будущем. Детство кончилось. Хватит вести себя как ребёнок.

Он махнул на меня рукой и укрылся одеялом. Высказывать ему что-то я больше не хотел. Я взял портфель и ушёл, но все же волновался, как мой вовсе не самостоятельный друг проведёт несколько часов в гордом одиночестве. И вскоре, после начала моего пути к училищу я услышал, как меня окликнул детский голос.

– Толя, стой!

Я повернулся и застал Мишку. Он подбежал ко мне, и мы вместе дошли до гимназии.

Мы просидели за партой все шесть уроков. После окончания занятий ко мне подошла наша учительница. Ее звали Галина Юрьевна и она была учителем по французскому. Она была низкая ростом и имела короткие прямые волосы темно рыжего оттенка. Она подошла ко мне довольно близко и спросила:

– Толенька, ты почему вчера из школы так резко ушел?

Я начал ей нагло для себя врать.

– Я пошёл навестить мишку Василькова, так как он приболел.

– Я понимаю, но ты чего уроки то прогулял? Я с мамой побеседую.

– А мама с бабушкой не могут с вами сейчас поговорить.

– Это почему ещё?

– У них дела слишком важные, да и батя мой на войну ушёл.

Преподавательница пустила слезу и положила свою морщинистую ладонь мне на плечо.

– Если нужно будет что-то, обращайся. Время и для меня нелегкое.

Я кивнул и улыбнулся ей. Я вышел из класса, где за дверью меня ждал Мишка. Мы вместе пошли к нашему укрытию. Мы зашли в здание и услышали тихие голоса. Они доносились из столовой. Я пошёл с другом в трапезную. Там я увидел двух неопрятных детей, которые сидели за столом. Один из них был мальчик моего возраста, другая – девочка лет шести. У мальчугана был большой фингал под глазом, и он был одет в одежду, которая уже была грязная и в некоторых местах порванная. На соседнем стуле сидела девчонка в белом платье, которое тоже уже было испачкано. Она держала в руках небольшую куклу, похожую на пупса. Дети молча смотрели на нас. Мишка спросил:

– Вы кто такие?

Мальчик вытер нос кулаком, шмыгнул и ответил:

– Я Димка Сидоров, а это моя сестра младшая – Аня.

Я вмешался в разговор:

– А с какой стати вы здесь?

Девочка начала всхлипывать и говорить:

– Мама с батей уехали в командировку две недели назад и не вернулись.

Она начала очень громко плакать и смахивать слёзы с глаз. Мальчуган встал из-за стола и добавил мне, шепнув на ухо:

– Недавно пришло письмо с почты, что их расстреляли. Наш деревянный дом снесли. С тех пор и скитаемся как собаки по Ленинграду, чтобы хоть как-то жить.

С тех пор мы начали жить вместе этой компанией, не жалея друг для друга ничего. Я продолжал ходить с Мишкой в гимназию, и в это время Димка присматривал за Аней. Девочка была довольно слабой и болезненной, поэтому мы заботились о ней порой даже больше, чем о себе. Особенности её любил её братец. Он отдавал ей почти все, что у него было, оставляя себе всего лишь малейшую часть.

Последним тёплым днём ноября Димка убил зайца. Мы развели костер на улице и жарили дичь, разговаривая между собой. Молчала только девочка. Ей нравилось смотреть на то, как танцует пламя огня. Она обнимала свою куклу и улыбалась. Мишка резко перебил разговор и сказал:

– Ребята, да мы как Робин Гуд!

Я возразил ему:

– Нет, Мишка мы далеко не как Робин Гуд. Он отдавал все бедным. А мы грабим всех подряд и оставляем всё себе. Мы эгоисты, а не герои.

Все посмотрели на меня с удивлением. Мы и вправду часто с Димкой или Мишкой воровали в чужих квартирах. Мы оставляли девчонку с одним из мальчуганов и уходили на жестокую борьбу за еду, борьба, которая перешла в Ленинграде в сумасшествие. Поначалу, мы не грабили, ибо питались тем, что у нас осталось, но этого хватило не на долго. Поэтому, если мы не грабили, то питались травой. Вся ягода уже была собрана, а все орехи с деревьев благополучно съедены кабанами.

– Давайте хоть прозвище какой-то нашей банде придумаем.

Мишка провозгласил это и несколько моментов поразмышлял.

– Дети анархии!

Вот так и началась история ”детей анархии”. Мой друг совершенно верно подобрал название. Всех жителей волновала только война, им не было проку, что творится в Ленинграде. Поэтому, город вскоре превратился в полный хаос. И мы тоже были частью этой анархии.

Одним холодным зимним днём начались новогодние каникулы. На улице был лютый мороз, поэтому в нашем укрытии стало довольно прохладно. Мы сидели вместе, прижавшись друг к другу в небольшом, старом, грязном одеяле. Аня сильно побледнела и нам нужно было найти для неё хоть какую-то полезную еду. Я пошёл с Димой, а Миша остался с девочкой.

Мы дошли с мальчиком до центра Ленинграда. Перед нами картина, к которой мы уже привыкли. Вместо звонкого детского смеха слышны крики и плач. Взамен радостным жителям города, тощие и болезненные, на волоске от смерти люди, которых мертвых найдут весной в таящих сугробах. Светлое зимнее небо сменилось темным фоном, без единого луча солнца. Вокруг была лишь неразбериха. В тот момент, никто не был счастлив. Димка дернул меня за плечо и серьезным взглядом указал на полуразрушенное многоэтажное здание. Мы зашли туда и увидели дверной проем первой квартиры, но дверь была выбита. Мы прошли в квартиру. Она была пыльная и все вещи в ней уже в непригодном состоянии. Мальчуган развернулся и пошёл в соседнюю квартиру. Там, дверь была открыта, но не сломана. В той комнате по сравнению с предыдущей все было нормально. Зато в помещении стоял мерзкий запах. Мы прошли на кухню и увидели труп. Я ужаснулся и хотел уйти, но мой друг остановил меня.

– Грабить живых ему не страшно, а труп увидел и слинять захотел?

Мне стало стыдно. Я убрал руки в карманы моего пальто, того самого пальто, которое я однажды забрал у моего бати, и смотрел на пол. Там временем, Димка уже забрал все съестное, что было. Он положил еду к себе в портфель и пошёл к выходу. Как только мы приковыляли к убежищу мы поднялись в столовую, где нас ждали Мишка и Аня. Аня сидела за столом и водила свою куклу по столу, что-то невнятно говоря себе под нос. Мишка сидел и наблюдал

за ней усталыми глазами водя по столу по кругу указательным пальцем. Димка увидел сестрёнку и подбежал к ней, взял ее на руки и начал кружить. Девочка смеялась и радовалась. Ее кукла выпала из ее маленькой ладошки, но она этого не заметила. Я подхватил куклу и аккуратно положил ее на стол.

Первую зиму блокады мы так и прожили. Мы засыпались под звуки взрывов бомб и просыпались под выстрелы из пистолетов. Никто из нас не умер. Началась вторая зима.

Двумя неделями после начала холодных дней Димка снова взял свой рюкзак, чтобы наверно, опять достать нам еду. Я предложил ему пойти вместе со мной, но он отказался. Он накинул дырявое и старое пальто, поцеловал Аню в лоб и перед тем как уйти, сказал:

– Я думаю, нам нужно перестать воровать. Конечно, по-другому мы не можем, но я бы хотел.

Ни добавив больше ни слова, он покинул здание. Мы ещё долго обдумывали его слова. Было уже темно, но мальчик так и не вернулся. Аня начала плакать, а я с Мишкой–утешать ее, что братик вернётся. Я с Мишкой подумал, что его оставили в полицейском участке.

Одним днём, точнее двадцать шестым января мы пошли в гимназию с Мишкой. Аню мы решили оставить в здании. У меня были сомнения, что это плохо закончится. Не дойдя до гимназии, Мишка заметил из-под снега шапку. Он дернул за неё и показались рыжие кучерявые волосы, похожие на Димкины. Глаза моего друга стали по пять копеек. Он начал разгребать снег, и я вместе с ним. Мы увидели знакомое веснушчатое лицо. Это был Димка. Он умер с улыбкой на лице. Мы с Мишкой заплакали. Мы развернулись и пошли обратно. Всю дорогу мы думали, как сказать об этом его сестре. В итоге, решили ничего не говорить. Был сильный ветер, а из-за жуткого холода я не чувствовал ноги. Мы дошли до дома и отворили дверь в комнату. Не знаю, когда это полуразрушенное уродливое здание я начал называть” домом”. На постели лежала Аня. Она была ужасно бледная. Мы подошли ближе. Ее глаза были закрыты и на ресницах остались маленькие капли слез. Ее рука свисала с кровати,

а под ее ладонью, на полу лежала ее любимая кукла. Но Аню уже нельзя было спасти.

Мы собрали все вещи из здания. В последний момент, в память о наших покойных товарищах я взял Димкино дырявое пальто и куклу Ани. Мы с Мишкой выбежали из дома в страхе и слезах. Последнюю ночь мы провели в нежилой квартире неподалёку. Утром, объявили снятие блокады. Объявили эвакуацию в Москву.

Я зашёл с товарищем в поезд. Я был счастлив, что все закончилось, но почему-то бросая Ленинград, я чувствовал, что бросаю Аню и Димку, которые навсегда там останутся. Если бы они выжили этой зимой, мы бы все вместе ехали сейчас в поезде и радовались. Но они были в моем сердце. Поезд приехал. Я вышел с другом со станции и увидел маму и бабушку. Они с плачем начали обнимать меня и расцеловывать, а потом и Мишку. Потом мы поехали в деревню за Москвой, где и встретили День Победы. Тогда, мой батя зашёл в парадную, целый и невредимый. Плакали мы все. Я уже не надеялся увидеть батю, но он вернулся, и я был рад. Я рассказал ему всю историю детей анархии. Он сначала, не поверил мне, но, когда я показал ему куклу Ани, расплакался.

Дедушка прекратил рассказывать историю и пустил слезу. Она упала на тарелку. Дедушка добавил:

– Не было у нас детства, Андрюша. Не было.